

Пора за флажки?

Экономический рост, пусть с инфляцией, лучше, чем инфляция без роста

А. В. АЛЕКСЕЕВ, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: avale@mail.ru

В работе рассматривается долгосрочная динамика выпуска промышленной продукции в РФ. Анализируются особенности промышленного роста, выявляются тенденции к упрощению структуры промышленного производства, деградации подотраслей, определяющих качество и темпы инвестиционного процесса. Рассматриваются монетарные факторы ограничения промышленного роста и формулируются предложения по его стимулированию.

Ключевые слова: производство промышленной продукции, инвестиции, промышленный рост, инфляция, денежное стимулирование

*«Я из повиновения вышел,
За флажки – жажда жизни сильней,
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей».*

В. Высоцкий. Охота на волков

Динамика производства промышленной продукции

Последние четверть века в общественном дискурсе рефреном звучит мысль – мы ничего не производим, экономика деградирует, ближайшее будущее России – бензогазоколонка для более развитых стран [1]. Так ли это?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим динамику выпусков продукции добывающих и обрабатывающих производств за 2000–2014 гг. В выборе данного временного интервала есть доля вынужденного лукавства: 2000 г. – почти самое дно, на которое упала российская экономика после распада Советского Союза. Отскок от дна ограниченно информативен – эффект низкой базы хорошо известен. Тем не менее рассматриваемый временной интервал достаточно велик, чтобы исключить случайные колебания и выявить долгосрочные тенденции промышленного производства в РФ. Пятнадцать лет – большой срок с точки зрения жизненного цикла продукции обрабатывающей промышленности. Так, автомобили 2000 г. и 2014 г. выпуска – совершенно разные. За полтора десятилетия многие виды продукции перестают выпускаться

вообще, еще больше – появились впервые. Поэтому увеличение рассматриваемого периода ставит больше вопросов о сопоставимости анализируемых показателей, чем дает ответов о долгосрочном характере промышленного роста. Впрочем, систематическими более ранними рядами данных мы и не располагаем.

Росстат представляет динамические ряды по темпам роста выпусков преимущественно в натуральном выражении по 51 виду продукции добывающих и 504 видам обрабатывающих производств. Доступны данные и по выпускам примерно 4000 видов продукции, правда, в неструктурированном виде (без привязки к подотраслям). Хотя номенклатура выпускаемой в РФ продукции многократно шире, чем отражено в этих данных, имеющаяся выборка достаточно представительна, чтобы выявить основные тенденции в российской производственной сфере.

Первое, что бросается в глаза при обращении к статданным, – опережающий рост продукции обрабатывающих производств по отношению к добывающим (в 1,78 и 1,48 раза, соответственно, за 15-летний период). Добыча нетопливо-энергетических видов полезных ископаемых увеличилась совсем незначительно (на 14%), но и рост выпуска топливно-энергетических ископаемых, по меркам обрабатывающей промышленности, был не так уж высок (56%). Среднегодовые темпы роста продукции обрабатывающих производств составили 4,9%, добывающих – 3,2%. Таким образом, **говорить о дрейфе российской экономики в сторону сырьевой модели воспроизводства оснований нет. Скорее, можно утверждать обратное.**

Тем не менее при более подробном рассмотрении ситуация в обрабатывающей промышленности оказывается весьма неоднозначной. Явные лидеры – производство резиновых и пластмассовых изделий (рост более чем в четыре раза за 15 лет), а также электро-, электронного и оптического оборудования (рост почти в три раза). Быстро росло производство пищевых продуктов (почти в два раза). Явные аутсайдеры – текстильная и швейная отрасли (в 2014 г. здесь производилось продукции лишь немногим больше, чем в 2000 г.). Выпуск машин и оборудования увеличился в 1,5 раза (заметно ниже средних показателей по обрабатывающим производствам). Еще скромнее результаты развития в подотрасли «Транспортные средства и оборудование» (табл. 1). Таким образом, **рост производства технически сложной продукции наблюдается, но трактовать это как признак усложнения экономики, перехода ее на инновационный путь развития, пока рано.**

Таблица 1. Темпы роста производства по видам экономической деятельности Российской Федерации в 2008–2020 гг., %

Показатель	Кол-во позиций	2000–2014	2000–2007	2008–2009	2010–2014	2010	2011	2012	2013	2014	2014/2000
Промышленное производство*	585	103,8	106,2	95	103,6	107,3	105	103,4	100,4	101,7	159,1
Из него:											
Добыча полезных ископаемых	51	103,2	105,1	98,8	101,8	103,8	101,8	101	101,1	101,4	148,8
Топливо-энергетические	22	103,4	105,5	99,5	101,6	103,6	101,2	100,7	100,9	101,4	155,6
Полимо топливо- энергетических	29	102,3	103,8	92,5	103,8	104,9	106,6	103,4	102,3	101,6	114,4
Обрабатывающие производства	504	104,9	107,7	92,7	105,3	110,6	108	105,1	100,5	102,1	177,8
Пищевые продукты, включая напитки и табак	69	104,6	106,6	101,1	102,9	103,2	103,9	104,1	100,6	102,5	186,6
Текстильное и швейное	56	102,2	105,3	89,3	102,4	108,8	100,8	100,7	104,3	97,5	104,9
Производство кожи, изделий из кожи и обуви	3	105,5	108,5	99,1	103,3	119,9	105,7	98,1	95,6	97,2	199,2
Обработка древесины и изделия из дерева	15	103,5	106,6	88,4	104,5	113,4	110,2	96,2	108	94,7	137
Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	21	103,9	107,9	92,2	102,1	103,1	106,5	105,8	94,8	100,4	144,3
Коч. нефтепродукты и другие материалы	3	103,6	103,5	101,1	104,6	104,1	105,3	104,6	103,5	105,7	165
Химическое производство	36	104,2	105,4	95	105,9	110,6	109,5	104,1	105,4	100,1	157,5
Резиновые и пластмассовые изделия	15	112,1	113,7	105	112,4	124,4	111,4	112,8	105,9	107,5	410,1
Прочие неметаллические минеральные продукты	44	103,7	107,3	82	106,5	114,5	107,4	110,7	98	101,8	139,6

* Агрегированный индекс производства по видам экономической деятельности: «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». С учетом поправки на номинальную деятельность.

Пора за флажки?

Экономический рост, пусть с инфляцией, лучше, чем инфляция без роста

За умеренно оптимистичными интегральными показателями роста промышленной продукции стоит их существенная дифференциация по конкретным видам. Так, в добывающих отраслях рост производства за рассматриваемый период наблюдался по 3/4 видам продукции (из 51 позиции). По остальным – сокращение, причем существенное: в среднем вдвое за 15 лет (в основном это различные виды бурого угля и торфа).

В обрабатывающих отраслях рассматриваемая дифференциация еще выше: за 15 лет производство выросло только по 2/3 позиций (из рассматриваемых 504). Производство по 1/3 позиций существенно сократилось – в среднем на 41%. Само по себе снижение выпусков каких-то видов продукции в развивающейся экономике естественно, ненормальной может быть только мера этого снижения. Так, в пищевой, химической, полиграфической отраслях снижение производства наблюдалось примерно по 17% видам продукции. В металлургии – по 27%, по производству электро-, электронного и оптического оборудования – по 37%, а по производству машин и оборудования, а также резиновых и пластмассовых изделий – и вовсе по половине выпускаемой номенклатуры (48% и 47%, соответственно). Антилидеры – текстильное и швейное производство: сокращение выпусков – по 70% (!) видов продукции.

Продукция, по которой наблюдалось увеличение выпуска, росла достаточно высоким темпом, но и темпы падения производства по позициям, которые сокращались, также были весьма велики. **В целом наблюдались заметные структурные сдвиги в экономике: не слишком высокий, но уверенный и последовательный рост производства в добывающих отраслях и более быстрый, но существенно менее ровный – у обрабатывающих отраслей.**

Подотраслей, для которых характерны высокие темпы выпуска по всей номенклатуре продукции, немного (производство пищевых продуктов, кожи и обуви). Темпы роста производства резиновых и пластмассовых изделий были самыми высокими, но достигались они за счет очень быстрого наращивания выпуска только по половине производимой номенклатуры, при этом по второй половине наблюдалось заметное сокращение. Схожая ситуация – в производстве электро-, электронного и оптического оборудования. В остальных подотраслях невысокие темпы роста

в целом сопровождалось заметным снижением производства по значительному числу выпускаемых видов продукции.

Обращает на себя внимание характер продукции, производство которой преимущественно росло или преимущественно сокращалось. С одной стороны, с 2000 г. по 2014 г. в 3,5 раза вырос выпуск механического оборудования, в семь раз – турбин, в 1,45 раза – подъемно-транспортного оборудования, на 10% – машин и оборудования для сельского хозяйства, на 25% – машин и оборудования для изготовления пищевых продуктов, в 3,5 раза – бытовых электрических приборов. С другой стороны, на 40% упали объемы выпуска станков, впятеро – подшипников, втрое – газогенераторов, машин и оборудования для металлургии, добычи полезных ископаемых и строительства, в 17 раз – машин и оборудования для изготовления текстильных изделий. Таким образом, **некоторые виды продукции инвестиционного назначения демонстрируют заметный рост, но еще большее их количество – резкое падение.** К последним относятся производство средств производства для производства средств производства и оборудование, предопределяющее развитие таких базовых для российской экономики отраслей, как добыча полезных ископаемых и металлургия.

Рассмотренная динамика говорит о том, что **экономика РФ встраивается в глобальную: устойчиво растет добыча полезных ископаемых как для внутреннего, так и внешнего потребления; обрабатывающая промышленность ищет свою нишу, концентрируясь на одних видах производств и закрывая другие.** Однако при, казалось бы, естественности такого формата развития его **соответствие долгосрочным интересам российской экономики вызывает сомнения.**

Сокращающаяся номенклатура производимой продукции свидетельствует о росте зависимости отечественной экономики от внешних по отношению к ней сил. Возможно, с точки зрения оптимизации затрат на кратковременном горизонте такой характер развития даже эффективен. Но цена подобной эффективности – **быстро растущая зависимость от глобальной экономики** – представляется неприемлемо высокой. Антироссийские санкции, введенные в 2014 г., показали, что эффективность экономики стоит немного, если она хотя бы относительно автономно не способна производить критически важные виды продукции. **Когда за 15 лет**

производство примерно половины видов продукции машиностроения сократилось более чем вдвое, можно ожидать, что черта, определяющая экономическую безопасность страны, давно пройдена.

Возможно, именно в силу рассмотренного формата развития, российская экономика начала испытывать серьезные проблемы уже задолго до введения, казалось бы, все объясняющих санкций. Настоящим моментом истины для нее стал кризис 2008–2009 гг. Если резкое падение производства в кризис как-то объяснимо, то последующая динамика весьма симптоматична: более или менее заметный восстановительный рост в 2010 г. и быстрое его затухание, начиная с 2011 г. Результат: если добыча полезных ископаемых с 2000 г. по 2007 г. выросла почти на 1/3, то уровень их производства в 2014 г. превышал уровень 2007 г. всего на 7%. Для обрабатывающих производств динамика еще драматичнее: рост производства в 2007 г. по отношению к 2000 г. на 60%; и только на 10% – в 2014 г. по отношению к 2007 г.

Заметно изменился и характер роста, особенно в обрабатывающих отраслях. Наименований продукции, которой в 2014 г. производилось больше, чем в 2007 г., осталось только 45%. Свыше половины номенклатуры выпускаемой продукции стало производиться примерно на 1/3 меньше.

Но по-настоящему тревожна динамика выпусков по подотраслям обрабатывающей промышленности: небольшой рост производства продукции по отрасли в целом (2014 г. к 2007 г.) маскирует массовое снижение выпусков по отдельным подотраслям. Так, уровень производства 2014 г. лишь по половине подразделов раздела «Обрабатывающие производства» превышал уровень 2007 г., по остальным он был существенно ниже. Производство электро-, электронного и оптического оборудования за семь лет сократилось на 12%, машин и оборудования – и вовсе на 22%. Но и это еще не все: в первой подотрасли рост производства наблюдался лишь по 1/3 номенклатуры выпускаемой продукции, а по 2/3 номенклатуры оно сократилось в среднем более чем на 40%. Из рассматриваемых 82 укрупненных позиций в посткризисный период выпуск машин и оборудования вырос лишь по 20% позиций, а по 80% произошло сокращение, и не символическое, а вдвое!

Подчеркнем, что рост производства по отдельным позициям может только маскировать тяжелую ситуацию в отдельных

производственных секторах. Так, выпуск многоцелевых вертикальных токарных станков с числовым программным управлением в 2013 г. по отношению к 2010 г. увеличился на 10%. Но выпущенные в 2013 г. 32 таких станка, очевидно, не делают никакой погоды для российской технологической системы. Или, например, значение трехкратного роста за этот же период производства машин гибочных, кромкогибочных, правильных, ножниц механических, машин пробивных и вырубных для обработки металлов с числовым программным управлением (с 48 до 143 ед.) также переоценивать не стоит.

Зато сокращение производства проходческих комбайнов всего за три года в 1,7 раза (с 54 в 2010 г. до 31 в 2013 г.) или самоходных бурильных установок в 1,3 раза только за 2013 г. весьма показательны.

Даже, казалось бы, во вполне благополучных подотраслях, например, в производстве резиновых и пластмассовых изделий, за достаточно высокими интегральными показателями роста стоит массовое вымывание целых классов продукции. С одной стороны, в посткризисный период производство здесь возросло почти вдвое. Но происходило это за счет быстрого увеличения выпуска только 40% производимой продукции. Производство по остальным 60% видам сократилось, причем существенно (в среднем почти на 30%). В менее динамично развивающихся подотраслях ситуация еще хуже (табл. 2).

Обращение к расширенной базе данных показывает, что из примерно 4 тыс. видов промышленной продукции в 2011 г. рост наблюдался по 61% из них, в 2012 г. – по 57%, а в 2013 г. – и вовсе только по 50%. При этом в 2013 г. (в котором рост выпуска продукции почти не наблюдался) центробежные процессы не прекращались. По видам продукции, производство которой сокращалось, среднее снижение выпуска составило примерно 20%, а по тем видам, по которым наблюдался рост, он также составил 20%.

Общий вывод: экономическая модель, лежащая в основе российского экономического роста в докризисный период, работать перестала, экономический рост затухает, структура производства в РФ быстро упрощается, при этом в первую очередь вымывается продукция отраслей, обеспечивающих создание базиса технологической системы.

Таблица 2. Темпы роста/снижения производства по видам экономической деятельности Российской Федерации в 2007–2020 гг., %

Показатель	Кол-во позиций, ед.	2014 / 2000, %				2014 / 2007, %					
		2014/2000	рост пр-ва, % позиций	темпы роста	снижение пр-ва, % позиций	темпы роста	рост пр-ва, % позиций	2014/2007	темпы роста	снижение пр-ва, % позиций	
											рост пр-ва, % позиций
Добыча полезных ископаемых	51	149	75	169	25	52	107	69	139	31	75
Топливо-энергетические полезные ископаемые	22	156	68	172	32	52	107	73	125	27	77
Полезные ископаемые, кроме топливно-энергетических	29	114	79	167	21	54	102	66	150	34	73
Обрабатывающие производства	504	178	66	282	34	59	110	44	160	56	65
Пищевые продукты, включая напитки и табак	69	187	83	307	17	86	118	71	173	29	81
Текстильное и швейное производство	56	105	30	222	70	54	89	25	156	75	61
Производство кожи, изделий из кожи и обуви	3	199	100	246	0	-	64	67	161	33	64
Обработка древесины и изделий из дерева	15	137	67	263	33	63	94	75	161	25	76
Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	21	144	86	240	14	66	93	48	174	52	74
Кокс, нефтепродукты и ядерные материалы	3	165	67	166	33	99	128	67	128	33	88
Химическое производство	36	157	83	214	17	60	120	75	165	25	76
Резиновые и пластмассовые изделия	15	410	53	554	47	75	190	40	314	60	71
Прочие неметаллические минеральные продукты	44	140	70	255	30	65	88	50	141	50	72
Металлургическое производство и готовые металлические изделия	59	156	73	239	27	72	104	44	171	56	77
Машины и оборудование	82	153	52	288	48	44	78	20	131	80	49
Электрооборудование, электронное и оптическое оборудование	41	289	63	311	37	59	88	32	120	68	58
Транспортные средства и оборудование	28	140	64	334	36	57	125	32	162	68	64
Прочие производства	32	176	81	248	19	49	102	53	135	47	78

Монетарный шлагбаум на пути экономического роста

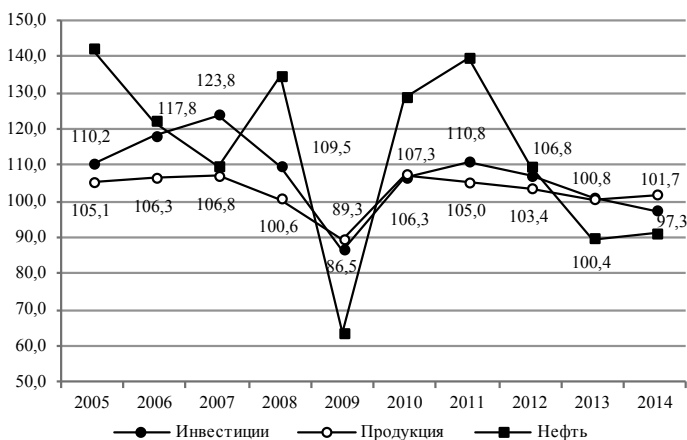
*«Удав, из которого говорит кролик,
это не тот удав, который нам нужен».*

Ф. Искандер. Кролики и удавы

Почему промышленный рост прекратился? Выше уже отмечалось, что ухудшение условий функционирования российской экономики в связи с украинскими событиями, возможно, усилило кризисные явления, но ни в коей мере не стало их причиной.

Рассмотрим динамику выпуска продукции в контексте еще двух факторов: инвестиций и мировой цены на нефть. Динамика инвестиций предопределяет выпуск продукции как таковой, а воздействие мировой конъюнктуры цен на полусырьевую экономику РФ настолько велико, что игнорировать этот фактор невозможно.

Динамики индексов выпуска продукции и инвестиций на первый взгляд несколько странны – они почти совпадают (коэффициент корреляции – 0,83) (рис. 1).

Источник: Росстат. URL: www.gks.ru (дата обращения: 15.05.2015), URL: <http://newsruss.ru/doc/index.php> (дата обращения: 15.05.2015).

Рис. 1. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал, производства продукции и цен на нефть в 2005–2018 гг.,%

Казалось бы, рост выпуска продукции должен следовать за инвестициями с некоторым лагом (в течение которого инвестиции материализуются в производственные мощности), а не совпадать во времени. Остается предположить, что чем быстрее растет выпуск продукции, тем интенсивнее идет инвестиционный процесс, и наоборот. Обратная ситуация в рамках погодовой динамики верна лишь в том смысле, что растущие инвестиции повышают спрос на продукцию и, следовательно, ее производство. Непосредственно в рамках одного года увеличение инвестиций не может привести к росту выпуска продукции – для этого просто недостаточно времени. Подобные взаимосвязи между выпуском продукции и инвестициями наблюдаются как в добывающих, так и обрабатывающих производствах. Правда, теснота связей здесь меньше: коэффициенты корреляции равны 0,72 и 0,78, соответственно.

Ситуация «высокие темпы роста выпуска продукции – высокие темпы роста инвестиций» легко объяснима: больше выпуск, больше доходов, больше ресурсов для развития. И наоборот. Остается, правда, выяснить, что предопределяет высокие либо низкие темпы роста выпуска продукции. Ответ, казалось бы, очевиден: растущий/снижающийся спрос, с одной стороны, и технологическая возможность/невозможность его удовлетворить (наличие свободных мощностей или ввод новых) – с другой.

Обращение к статистике мощностей ситуацию не проясняет. Так, в 2013 г. среднеарифметический коэффициент их использования (по 370 видам) был лишь немногим выше 50%, причем только 4,6% мощностей использовались более чем на 90%. В 2010–2012 гг. ситуация была примерно такой же. Формально при наблюдаемом уровне загрузки ввод новых мощностей не имеет экономического смысла. Реальность – иная. На многих имеющихся мощностях трудно, а зачастую и вовсе невозможно произвести продукцию, востребованную рынком. Поэтому заметные приросты инвестиций в те годы шли как на поддержание мощностей (пусть и слабо загруженных), так и их модернизацию, отчасти создание новых мощностей, на которых все-таки можно производить конкурентоспособную продукцию.

Последнее обстоятельство особенно интересно. Понятно, что превращение инвестиций в основной капитал требует времени. В каждом конкретном случае период свой, но в среднем – от трех

до пяти лет. Тогда при предположении, что сегодняшний прирост выпуска продукции – результат прироста инвестиций 3–5-летней давности, можно с большей или меньшей степенью уверенности прогнозировать уровень прироста выпуска продукции в краткосрочной перспективе.

Таким образом, почти нулевой прирост выпуска продукции в 2013 г. – не более чем следствие провала инвестиций в кризисный 2009 г., а небольшой, но все же рост выпуска в 2014 г. – результат восстановления роста инвестиций в 2010 г. В рамках этой логики в 2015 г. и, возможно, в 2016 г. можно ожидать дальнейшего увеличения объемов выпуска продукции. В 2017–2018 гг., вследствие эха снижения инвестиционной активности в 2013–2014 гг. и, почти наверняка, в 2015 г., оснований ждать промышленного роста меньше (рис. 2).

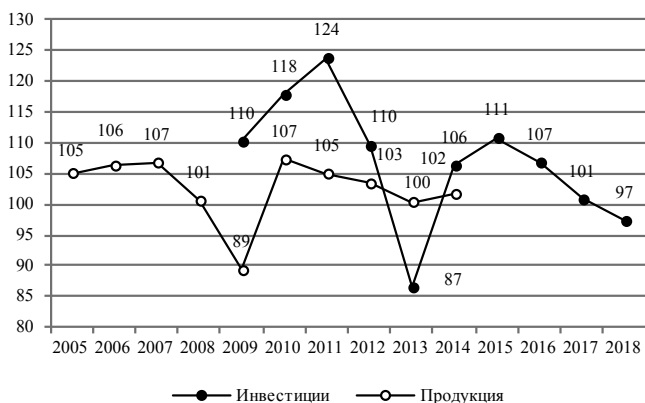

Рис. 2. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал (со смещением вправо на четыре года) и производства продукции в 2005–2018 гг.,%

В добывающих производствах ситуация сложнее. Даже значительные приросты инвестиций обеспечивают здесь лишь весьма умеренный рост выпуска. Особенно тяжелым с точки зрения прироста выпуска продукции будет, по-видимому, 2017 г. (рис. 3).

Рис. 3. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал (со смещением вправо на четыре года) и выпуска продукции в добывающих производствах в 2005–2018 гг.,%

Динамика инвестиций в обрабатывающие производства дает больше оснований для оптимизма – заметное снижение темпов прироста выпусков здесь можно ожидать только в 2018 г. Потенциально ситуация здесь в 2015 г., 2017 г. и особенно в 2016 г. вполне благополучна (рис. 4).

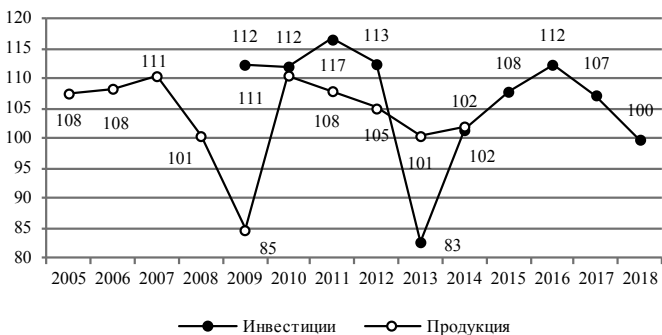

Рис. 4. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал (со смещением вправо на четыре года) и выпуска продукции в обрабатывающих производствах в 2005–2018 гг.,%

Иное положение дел в инвестиционных подотраслях. Так, выпуск машин и оборудования быстро и устойчиво сокращался с 2010 г. Даже послекризисный пик в приросте инвестиций не предотвратил снижение производства в 2014 г. на 8 п. п. На 2015 г. приходится основная часть вводов фондов, профинансированных в период низкой инвестиционной активности в 2011 г. В 2016–2017 гг. и, отчасти, в 2018 г. ситуация с возможностью выпуска продукции заметно улучшится (рис. 5).

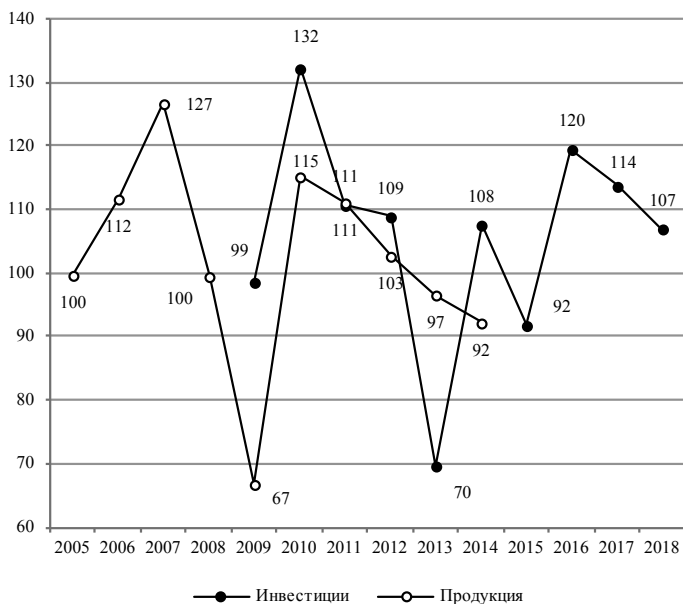

Рис. 5. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал (со смещением вправо на четыре года) и производства машин и оборудования в 2005–2018 гг.,%

Превратится ли эта возможность в реальность – вопрос открытый. Действительно, инвестиции в прирост выпуска продукции инвестиционного назначения осуществлялись в досанкционный период в логике воспроизводственной модели российской экономики, описанной выше. Но в 2014 г. в связи с введением санкций ситуация изменилась. С учетом 3*

достаточно длительного лага в осуществлении инвестиций российской экономике потребуется минимум 3–4 года, чтобы просто среагировать на происшедшие перемены. При этом характер изменения ситуации таков, что в рамках традиционной динамики прироста инвестиций (3–7%) в год эти проблемы не решить. Необходимо **резкое увеличение инвестиций при их одновременной структурной перестройке.**

Мы уже отмечали, что темпы прироста инвестиций тесно связаны с темпами прироста выпуска продукции. Хотя в отраслях, производящих товары инвестиционного назначения, эта взаимосвязь проявляется не жестко (в 2013–2014 гг. инвестиции здесь заметно выросли при сокращении выпуска продукции), проблема остается. Необходимы масштабные инвестиции в деградировавшие в ходе «оптимизации» российской экономики фонды, а вот с финансовыми ресурсами для этого – проблема.

Не ставя задачу выявить все возможные источники финансирования реиндустриализации российской экономики [2], обратим внимание на представленную на рисунке 1 эмпирическую взаимосвязь: чем больше годовые приросты стоимости нефти на мировом рынке, тем лучше идут дела в российской экономике (большие приросты как выпуска продукции, так и инвестиций). Рассмотренная динамика цен на нефть едва ли повторится, да и экономика, рост которой – функция от мировых цен на энергоносители, как говорится, не та экономика, которая нам нужна. Но что означает с монетарной точки зрения устойчивый рост цен на нефтегазовое сырье?

Растущие валютные доходы нефтегазового сектора конвертируются в рубли, создавая на них устойчивый спрос. Здесь возможны два варианта развития событий, назовем их *рыночный* и *монетарный*.

Рыночный вариант. Компании, которым нужна национальная валюта, продают имеющуюся у них, и наоборот. Однако для рентоориентированной российской экономики при реализации этого варианта возникает хорошо известная проблема *голландской болезни*. Получаемая рента ведет к укреплению национальной валюты, постепенной потере конкурентоспособности обрабатывающей промышленности, трансформации в экономику

ресурсного типа с развитой добывающей промышленностью и сектором неторгуемых услуг.

Монетарный вариант. Российское государство, несмотря на риторику и действия, основанные в немалой степени на либеральной идеологии, все же в данном вопросе пытается как-то ограничить «рыночные силы». Происходит это в режиме покупки валюты Центральным банком как для собственных нужд (создание золотовалютных резервов), так и потребностей Министерства финансов (пополнение Резервного фонда и Фонда национального благосостояния). Тонкий момент здесь – приобретение валюты осуществляется не из имеющихся на балансе ЦБ рублей, а за счет их эмиссии под покупку валюты.

В принципе такие действия не «портят» национальную валюту. Эмиссия проводится под реальное обеспечение, и если по каким-то соображениям эмитированные рубли потребуются изъять из экономики, можно провести обратный обмен: рубли на приобретенную ранее ЦБ валюту. Но здесь важно другое: при быстро растущей цене на нефть в экономике, работающей, вообще говоря, в прежнем режиме, рублевая масса увеличивается. Эта масса, распределяясь тем или иным образом среди агентов экономики, создает спрос, который в свою очередь определяет отмеченный выше прирост выпуска продукции и создает основу для осуществления инвестиций.

Иное дело, когда рост цен на нефть прекращается. Конечно, ее экспортеры продолжают продавать получаемую валюту, но уже не во всевозрастающих масштабах, а на уровне, а то и ниже, прошлых лет. Но к тем объемам предложения валюты экономика уже приспособилась и не требует проведения дополнительной рублевой эмиссии. Совокупный спрос стабилизируется. А раз спрос не растет, нет необходимости и в увеличении выпуска продукции. Соответственно, потребность в инвестициях снижается до обеспечения уровня простого воспроизводства. О приросте инвестиций речь уже не идет. Начинается рецессия. Именно ее мы и наблюдаем в 2013–2014 гг.

Эхо прежних высоких инвестиций, осуществленных в годы посткризисного подъема, предоставляет технологическую возможность увеличения выпуска продукции, но стагнирующий спрос может и не дать этой возможности реализоваться.

Выход из данной ситуации представляется вполне очевидным – необходимо увеличить спрос, который потянет за собой и производство, и инвестиции. Увеличение спроса достигается через увеличение предложения денег.

Данный вывод никак не согласуется с либеральной рыночной идеологией, хорошо известной по уже много лет предлагаемым рецептам экс-министра финансов РФ А.Л. Кудрина. Почти иррациональный страх представителей этого экономического течения перед инфляцией заставляет их настаивать на том, что предложение денег необходимо снижать, бюджеты всех уровней – сокращать, затраты – уменьшать, в общем, снижать спрос. Как можно добиться роста экономики, мобилизовав против увеличения спроса едва ли не все ресурсы государства, остается загадкой.

Речь не идет об обосновании необходимости «печатать» деньги для бездумного наращивания расходов. Если в разы увеличить затраты на содержание, например, госаппарата, вряд ли это положительно скажется на экономике. Но даже в этом, казалось бы, «одиозном предложении» есть свои нюансы. Так, если данные расходы увеличиваются за счет уменьшения доходов бизнеса и, соответственно, его инвестиционных возможностей, возникновение серьезных проблем в экономике – вопрос недалекого будущего. Менее ясна ситуация, когда расходы растут за счет денежной эмиссии. На первый взгляд, это инфляция чистой воды. В закрытой экономике монополистического типа – так и есть. С учетом того, что российская экономика в высокой степени монополистична (но открыта), с подобными решениями следует быть весьма осторожными.

Тем не менее, если абстрагироваться от монополизма, сгенерированное государством увеличение спроса создает стимул для производителя. Почувствовав увеличение спроса, производитель, конечно, попытается поднять цену на свой продукт. Но наш условно разбогатевший госслужащий при прочих равных условиях все же будет приобретать продукцию у того производителя, который поднял цену в меньшей степени или вовсе не изменил ее. Стимул для роста производства, которое, увеличившись, приводит в соответствие к своим возросшим потребностям находящуюся в обращении денежную массу, наличко.

Мощный фактор, потенциально играющий против этой схемы, – открытость экономики. Действительно, рост доходов повышает стандарты потребления. Естественно предположить, что возросший спрос сфокусируется на более качественной, пусть и более дорогой продукции. Для российской действительности это – продукция иностранного производителя. Активизация денежной эмиссии для поддержки иностранного производителя была бы действительно странным решением. Но в том-то и идея предлагаемого подхода: деньги эмитируются не «просто так», а под приобретение иностранной валюты и, следовательно, ослабление рубля и стимулирования производства, в том числе на экспорт. Конкуренция же с иностранным производителем через ослабление национальной валюты уже опробована в России.

Таким образом, для запуска роста экономики требуются денежное стимулирование (создание спроса) и поддержание слабой национальной валюты, предотвращающей переключение созданного спроса в пользу иностранного производителя. При этом вторая проблема решает первую: эмиссия рублей под приобретение иностранной валюты, с одной стороны, наполняет экономику деньгами, а с другой – позволяет поддерживать низкий курс рубля. Попутно решается проблема *голландской болезни* и, следовательно, создаются условия для перехода от экономики ресурсного типа к реиндустриализации.

Следует подчеркнуть: **курс рубля должен быть низким, но стабильным.** Это позволит предотвратить уход финансовых ресурсов в валютные спекуляции и создаст необходимые, хотя и не достаточные условия для кредитования инвестиционного процесса. Итоги первого полугодия 2015 г. показывают, что ЦБ РФ может справиться с этой задачей.

Понятно, что рассматриваемый вариант *количественного смягчения* не является панацеей для российской экономики. Если экономика отторгает инвестиции (в основном это происходит по институциональным причинам, а качество институтов в РФ, напомним, согласно Индексу глобальной конкурентоспособности, находится на 121-м месте из 148 стран [3]), то никакой впрыск денег в систему не заставит собственника направлять их на инвестиционные цели. Тем не менее инвестиционный процесс

в РФ, как было показано выше, несмотря на неблагоприятный институциональный фон, все же идет. Низкое качество институтов, конечно, повышает инфляционные риски, но переоценивать последствия этих рисков не стоит: мы уже имеем высокую инфляцию, но не имеем экономического роста.

Поэтому представляется разумным сосредоточиться на стимулировании экономического роста, а не на, как показывает российский опыт, безнадежной борьбе с инфляцией [4]. Если эта задача будет решена, то экономический рост в силу своей природы (большая товарная масса требует для своего обслуживания большего количества денег) сам справится с инфляцией. Если нет, принципиально ничего не изменится: останется все та же высокая инфляция на фоне стагнирующей производственной активности. Иными словами, **шанс на рост, пусть и с инфляцией – все же лучше, чем уже имеющаяся инфляция, но без экономического роста.**

Литература

1. Баранов А. О., Павлов В. Н., Тагаева Т. О. Тревожные перспективы: прогноз развития экономики России на 2015–2017 гг. // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 15–35.
2. Алексеев А. В. Модернизация российской экономики: кто оплатит счет? // ЭКО. – 2015. – № 1. – С. 74–86.
3. The Global Competitiveness Report 2013–2014. – P. 326.
4. Алексеев А. В. Инфляция и экономический рост в России: разные стороны одной медали? // ЭКО. – 2008. – № 10. – С. 80–90.